

ЭНЕРГЕТИКА МЕГАРЕГИОНА СИБИРЬ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ СТРАН АТР*

Н.В. Горбачева

Сибирский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
Фонд социо-прогностических
исследований «Тренды»,
Новосибирск, Россия

Nata_lis@mail.ru

Концепция мегарегиона Сибирь предполагает рассмотрение этой огромной территории от Урала до Тихого океана как органического единства его сущностных характеристик – пространственной, исторической и культурной. Предлагаемый подход позволяет по-новому выстроить геополитическую стратегию России в отношении стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Изобилие ресурсов в мегарегионе Сибирь и его пространственная сопряженность с набирающими силу странами АТР создают предпосылки для плодотворного экономического сотрудничества и успешного воплощения геополитической стратегии России. Реализация национальных интересов во многом определяется быстротой интервенций, масштабом новых рынков, динамикой инвестиций и возможностью создания мультисекторальных коалиций. Энергетическая самодостаточность позволяет России использовать динамику изменений мировой энергетики – ограничение поставок углеводородов из Ближнего Востока, глобализацию поставок газа, проблемы изменения климата. Всё это дает шанс обеспечить безопасность страны, рост экономики и сохранность уникальной природы мегарегиона Сибирь.

Ключевые слова: мегарегион Сибирь, АТР, энергетика, геополитика, национальная безопасность, изменения климата, экология.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.2-105-118

Концепция Сибири как мегарегиона

Более привычным для российского научного дискурса является понятие «макро-регион Сибирь», которое, как правило, используется в рамках сложившейся экономической парадигмы и поэтому носит узкодисциплинарный характер [7]. В последнее время в связи с ростом междисциплинарных исследований стало очевидным,

что этому подходу не хватает комплексности, так как не принимается во внимание целый ряд важных характеристик. Недостаточность этого методологического подхода способствует появлению дескрипционных или псевдогеографических определений типа «континент Сибирь» или «сибирские территории» [9]. Наряду с узкодисциплинарным и дескрипционным подходами часто используются политические или

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ, проект № 15-07-00034 «Сибирь как мегарегион в полицентричном мире: экономические и геополитические параметры».

управленческие трактовки, когда Сибирь представляется как набор административных единиц (федеральных округов, областей, краев) или как ряд географически последовательных территорий, состоящих из Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока. Концептуальная размытость этих интерпретаций, отсутствие комплексности и междисциплинарности ведут к тому, что возникают своеобразные трактовки: так, Дальний Восток рассматривается как самостоятельный макрорегион [2], а территориям, прилегающим к Тихому океану, дается псевдобрендовое название «Тихоокеанская Россия» [11]. Примечательно, что концепт Тихоокеанской России по не вполне понятным причинам включает отдельную макрозону Саха (Якутия), которая не имеет выхода в Тихому океану и традиционно относится к Сибири.

Всплеск российских исследований Арктики в последние годы продуцировал другие своеобразные конструкты, например, Азиатский Север России, куда входят Север Западной Сибири, Север Восточной Сибири и Север Дальнего Востока [6]. При этом в Азиатский Север России включены не только чисто северные регионы, но и, например, Алтайский край, Новосибирская область и другие регионы, которые явно относятся к южной части Сибири и которые сложно назвать северными. Естественно, имеются экономические связи по оси «Север–Юг», но ассоциация географически южных регионов с «северными территориями» вызывает когнитивный диссонанс. Конечно, ревизия сложившегося понимания Сибири возможна и даже нужна; важно лишь, чтобы такая ревизия имела под собой достаточно оснований, носила комплексный и мультидисциплинарный характер, а не была произвольным толко-

ванием, обусловленным субъективностью суждений и конъюнктурой экономических исследований.

Критериям актуальности и достоверности, комплексности и междисциплинарности, с нашей точки зрения, соответствует понимание Сибири как мегарегиона, впервые изложенное В.И. Супруном в коллективной монографии «Сибирь: имидж мегарегиона» и представленное на Красноярском экономическом форуме в 2012 году [8]. Понятие мегарегиона позволяет трактовать рассматриваемую гигантскую территорию Сибири на нескольких уровнях и в разных смыслах, т. е. пространственно и исторически, экономически и геополитически, социокультурно и демографически, и т. д. В этой оригинальной интерпретации подчеркивается, что «Сибирь может рассматриваться как мегарегион, обладающий огромным экономическим потенциалом..., своеобразной культурой, типом восприятия, ценностями, которые формируют ценностное ядро культуры мегарегиона, и важнейшим геополитическим значением...» [10].

В мировом экспертном дискурсе существует исторически сложившееся восприятие этого огромного региона как единого целого, что подразумевает наличие не только пространственной, но и экономической, исторической и социокультурной общности [3]. Подобное понимание Сибири как территории от Уральских гор до Тихого океана фиксируется в репрезентативных источниках (например, в энциклопедии Britannica Сибирь включает территорию от Урала до Чукотки).

Понимание Сибири именно как целостного региона позволяет корректно оценить экономическое и геополитическое значение этой территории, ее важность для существования всей России. Другие же

трактовки дробят интегрированную картину Сибири, рассматривают ее фрагментарно или одномерно. Так, понятие «макрорегион Сибирь» при определенной научной валидности имеет сугубо экономическую коннотацию и делает акцент на степени развития экономических связей и динамике производительных сил в сопредельных регионах, находящихся в непосредственной географической близости.

Представления о Дальнем Востоке как отдельном макрорегионе, не интегрированном в мегарегион Сибирь, страдает опасной «сердечной недостаточностью» с точки зрения не только экономики, социокультурной идентичности и даже демографии. Дробление огромного мегарегиона на части с произвольным выделением отдельной территории, имеющей выход к океану, представляется опасным и геополитически. При таком подходе возникает вопрос о том, что важнее для этого региона – выход к океану или же тесная связь с сухопутной частью мегарегиона Сибирь и, следовательно, со всей страной – Россией.

Стоит отметить, что авторитетный американский политолог Р. Каплан выстраивает геополитические сценарии исходя из того, что Сибирь – это огромное пространство, которое простирается от Уральских гор до Тихого океана. При этом он уделяет особое внимание историческим корням современных политических процессов, связанных с культурными особенностями этого мегарегиона [5].

Страны Юго-Восточной Азии также можно рассматривать как отдельный мегарегион, так как, по мнению видного японского аналитика К. Омае, глобализация экономических процессов элиминирует «картографические» границы отдельных государств, а экономическая интеграция,

общность культуры, схожие ценности, вопросы безопасности и другое становятся «скрепами» новых территориальных образований [20].

Факторы, определяющие возникновение новой организации регионального пространства, становятся предметом анализа известного американского социолога Р. Флориды. В результате исследования, которое он провел с коллегами, появилась репрезентативная модель 40 мегарегионов, на которые приходится более 66 % мирового ВВП и более 85 % генерации инноваций [16]. При этом трактовка «мегарегиона» Р. Флориды отличается от подходов К. Омае. Если К. Омае делает акцент на межстрановой интеграции, переплетении экономик, культур, человеческого капитала, юрисдикций различных стран и регионов, то Р. Флорида – на отдельных высокоурбанизированных территориях внутри отдельных стран.

Трактовка Л. Зевина предполагает экономическую консолидацию внутри семи мегарегионов: Европы, Азии, Северной Америки, Южной и Центральной Америки, Ближнего Востока, Африки и СНГ [4]. Он предлагает критерии разделения региональных интеграционных процессов на две стадии – начальную и выхода на уровень самоподдерживающейся интеграции, но при этом не выделяет каких-либо иных драйверов этого процесса, помимо экономики.

В данной статье концепция Сибири как мегарегиона в большей степени корреспондирует с разработками как К. Омае, так и В. Супруна, который рассматривает мегарегион Сибирь как аналитическую модель в пределах единого экономического, культурного и политического пространства России. Единый страновой контекст, с од-

ной стороны, подчеркивает неразрывность Сибири и России, а с другой стороны, позволяет сбалансировать пространственное развитие России с учетом новых интеграционных процессов Сибири со странами АТР и Юго-Восточной Азии.

Энергетика мегарегиона Сибирь как субъекта геополитики России

Предлагаемый концепт мегарегиона Сибирь генерирует новый методологический подход и новое содержание геополитической стратегии России в энергетической сфере. Социально-экономический контекст мегарегиона Сибирь демонстрирует его высокую значимость для российской экономики. Как видно из табл. 1, на мегарегион Сибирь приходится 73 % территории, 23 % населения и 25 % ВВП России. Энергетический профиль мегарегиона Сибирь, в котором добывается более 90 % угля и газа и около 70 % нефти в России, предопределяет его значимую роль в обеспечении национальной безопасности.

Таблица 1

Мегарегион Сибирь в российском контексте

Показатель	Доля мегарегиона Сибирь (в %)*
Территория	73
Население	22
ВВП	25
Добыча угля, тыс. т	95
Добыча нефти, включая газовый конденсат, тыс. т	73
Добыча природного и попутного газа, млн м ³	93

Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики, 2015 г. В мегарегион Сибирь включены СФО, ДВФО и Тюменская область.

* Россия – 100 %.

Тема взаимосвязи энергетики и геополитики не нова. На протяжении XX века многие страны пытались достичь желаемых геополитических целей благодаря реализации решений в энергетической сфере. Для этого применялись различные тактики: *деструктивные* в отношении «недрузей» (например, нефтяное эмбарго арабских стран в 1973 году или политика санкций США и Европы 2012–2015 годов в отношении экспорта нефти из Ирана), *конструктивные* для поддержки своих «друзей» (например, поставки российского газа на Украину и в Беларусь по демпинговым ценам или венесуэльская программа «Петрокаррибе» для поддержки лояльности стран Латинской Америки) и т. д.

Изобилие энергетических ресурсов, сосредоточенных в мегарегионе Сибирь, делает привлекательным их использование для обеспечения национальной безопасности и реализации геополитических интересов России. Декларированная недавно стратегия «разворота на Восток» базируется на осуществлении целого ряда новых энергетических проектов в Сибири: газопровод «Сила Сибири», открытие новых угольных месторождений в Якутии, строительство заводов по производству сжиженного газа на Сахалине и в порту Ванино (Хабаровский край), проектирование энергетического кольца с Японией и другими странами АТР и др.

Не всегда использование энергетики как средства геополитики позволяло достичь желаемого эффекта. Поэтому при реализации новых энергетических проектов в мегарегионе Сибирь следует учитывать ряд факторов, которые могут существенно повлиять на геополитическую стратегию России. К этим факторам можно отнести следующие.

1. *Масштабность рынка и экономики.* Чем масштабнее интервенции в энергетике, тем сложнее и рискованнее осуществление задуманного. Этим во многом объясняется различия в характере санкций США и Европы по отношению к Ирану и России. Запрет импорта нефти из Ирана был рационален, так как доля Ирана на глобальном рынке была незначительна: 2,5 млн баррелей в день в 2011 году при емкости мирового рынка 89 млн баррелей в день [18]. Относительно России, поставившей в 2014 году 10,4 млн баррелей нефти в день, запрет на экспорт было бы трудно осуществить, а блокирование поставок российского газа в Европу привело бы к коллапсу многих отраслей экономики ЕС. Таким образом, чем более значимы поставки энергоресурсов для мирового или конкретного регионального рынка, тем сложнее воспрепятствовать движению энергетических потоков.

Геополитическая стратегия «поворота на Восток» и значимость энергетического потенциала Сибири определяются углеводородной специализацией этого мегарегиона и детерминируют векторы взаимодействия со странами Юго-Восточной Азии и АТР. Направления энергетического сотрудничества представлены в табл. 2.

По прогнозам Минэнерго РФ, экспорт в АТР будет только увеличиваться с учетом реализации новых энергетических проектов, таких как газопровод «Сила Сибири», разработка новых угольных разрезов в Якутии, и др.

В то же время в структуре импорта основных наших торговых партнеров в АТР доля российских поставок, как правило, не превышает 10 % (табл. 3).

Таблица 2

Основные направления российского экспорта углеводородов в АТР, 2014 г.

Ископаемые источники	Доля Азиатско-Тихоокеанского региона в экспорте России, %	Основные направления экспорта в АТР
Нефть	31,4	53 % в Китай, 22 % в Японию, 8,6 % в Южную Корею
Газ (СПГ*)	6,7	62 % в Японию, 30 % в Южную Корею
Уголь	44,2	35 % в Китай, 27 % в Южную Корею, 23 % в Японию

Составлено по данным WEO, 2015.

* СПГ – сжиженный природный газ.

Таблица 3

Доля поставок из России в структуре импорта стран АТР, 2014 г., %

Страны-импортеры	Россия		
	Нефть	Газ	Уголь
Япония	8,2	1,0	6,5
КНР	11	2,5	3,1
Южная Корея	4,0	5	14,0

Составлено по данным WEO, 2015.

В настоящее время эти страны ориентированы на поставки углеводородов из стран Ближнего Востока – Катара, Саудовской Аравии и других, где сейчас геополитическая обстановка волатильна, что делает экспорт энергоресурсов из Сибири всё более привлекательным. Однако в долгосрочном плане позиция мегарегиона Сибирь уязвима, так как поставки могут быть с легкостью блокированы потенциальными покупателями ввиду незначительности российских

поставок в структуре их импорта. Поэтому использование новых энергетических проектов как средства геополитической стратегии России не представляется возможным без кратного увеличения экспорта в Азиатско-Тихоокеанский регион.

2. *Динамика инвестиций.* Новые энергетические инициативы реализуемы при условии адекватного финансирования. Санкции США и Европы в отношении России в сфере новых технологий в энергетике были подкреплены финансовыми ограничениями, что повысило издержки рефинансирования долгов российских энергетических компаний и затраты на финансирование новых НИОКР. Сочетание энергетических и финансовых санкций имеет пролонгированный характер и нацелено на долгосрочное замедление темпов развития энергетики России.

3. *Формирование союзов и коалиций.* Возможность создания коалиций усиливает геополитический эффект, и чем масштабнее мультисекторальная кооперация, тем значительнее эффект. Например, в ответ на нефтяное эмбарго, введенное арабскими странами в 1973 году, члены ОЭСР создали Международное энергетическое агентство как особую коалицию развитых экономик для противодействия разрушительным энергетическим кризисам в мире. Санкции в отношении Ирана и России также сопровождались кооперацией США со странами ЕС. В случае запуска новых энергетических проектов в Сибири необходимо формировать кооперацию не только между энергетическими компаниями, но и между финансовыми структурами (например, в рамках недавно созданного Азиатского банка инфраструктурных инвестиций), исследовательскими институтами (например, посредством международных иссле-

довательских грантов РНФ, РФФИ с Китаем, Вьетнамом, Индией), промышленными консорциумами (например, сотрудничество в рамках технологической платформы ЮНИДО–БРИКС).

4. *Фактор времени.* Геополитика – это стратегические решения, нацеленные на реализацию долгосрочных целей, поэтому она требует и выдержки, и готовности быстро реагировать на изменения. Например, как полагают аналитики Bloomberg Energy, промедление со стороны США и Европы в развертывании полномасштабной политики санкций предоставило России временной лаг для геополитического маневра. Вначале США анонсировали первый пакет санкций в марте 2014 года в отношении Банка России и конкретных людей, аффилированных, как они полагали, с президентом РФ В.В. Путиным. Но к этому времени уже прошли выборы в Крыму, Россия применила вето при голосовании по проекту резолюции № S/2014/136 о территориальной целостности Украины в Совете Безопасности ООН, а военные наблюдатели ОБСЕ не были допущены на территорию Крыма. Следующий расширенный пакет санкций, которые включали более значимые ограничения по трансферу технологий добычи на шельфе, глубоководного бурения и работ в Арктике, был применен лишь в августе 2014 года. Запаздывание в поэтапном продвижении политики санкций, как полагают западные эксперты, в целом не снизило экономический ущерб, но позволило России извлечь дополнительные политические выгоды.

Фактор времени в реализации энергетических проектов для достижения собственных геополитических интересов пока недооценен Россией. До сих пор продолжаются дискуссии по маршрутам строи-

тельства амбициозного проекта «Сила Сибири» [17], хотя, по оценкам экспертов, до 2025 года, пока спрос со стороны Китая не возрастет многократно, будет востребован всего один маршрут. Крупные проекты по СПГ в Сибири также постоянно пересматриваются: строительство завода по производству СПГ во Владивостоке временно приостановлено, расширение проекта «Сахалин-2» также заморожено до 2021 года.

Таким образом, многофакторный характер решений в энергетике и геополитике демонстрирует комплексный характер роли мегарегиона Сибирь в этих процессах. Энергетическое изобилие и пространственное расположение мегарегиона Сибирь позволяет использовать эти преимущества для реализации геополитических интересов России, прежде всего в странах АТР, но незначительный масштаб присутствия России на энергетическом рынке стран АТР, скудность инвестиций и замедление темпов реализации ключевых энергетических проектов во многом девальвируют геополитическую стратегию в этом регионе.

Мегарегион Сибирь в контексте глобальных энергетических трендов и геополитической трансформации

Изобилие энергетических ресурсов и пространственная сопряженность мегарегиона Сибирь со странами АТР определяют значимость энергетики как важного инструмента российской геополитики. Россия относится к числу немногих энергетически самодостаточных стран, которые могут себе позволить воздействовать на геополитические расклады в мире посредством реализации своих инициатив в энергетике. В то же время зарождающиеся объективные тренды в энергетике служат источником геополитической трансформации в мире и оказывают

влияние на национальную безопасность отдельных стран. Глобальный характер энергетических рынков, диверсификация источников энергии, тесная корреляция спроса и предложения на энергоресурсы, проблемы глобального изменения климата повышают чувствительность геополитических стратегий отдельных стран к глобальным трендам в энергетике. Полноценный анализ роли мегарегиона Сибирь в контексте российской геополитики требует учета этих трендов в мировой энергетике и адекватной оценки роли новых «игроков», которые могут способствовать или препятствовать реализации национальных интересов России.

Для мегарегиона Сибирь как экспортера энергоресурсов важно возникновение и стабилизация новых векторов спроса. По оценкам Международного энергетического агентства, если в 2005 году половина спроса на первичные источники энергии приходилась на страны ОЭСР, то уже в 2035 году более 65 % спроса будет определяться странами, не входящими в блок ОЭСР, а именно быстрорастущими экономиками Китая, Индии, Индонезии, Бразилии и Южной Африки [19]. Набирающие экономическую мощь страны станут законодателями «вкусовых предпочтений» в энергетике, формируя новые отношения между поставщиками и потребителями энергоресурсов. Рассмотрим формирующиеся энергетические тренды, важные для мегарегиона Сибирь и, следовательно, влияющие на формирование российской геополитики.

Нефть. Ожидается, что Китай будет основным драйвером спроса на нефть, и от степени удовлетворения этого спроса будут зависеть мировые цены на нее и экономический рост многих стран. Текущая зависимость Китая от поставок нефти с конфликтного Ближнего Востока требует диверсифи-

кации источников предложения. При этом страны Ближнего Востока, ресурсы которых считались безграничными, в настоящее время сталкиваются с растущим внутренним спросом на нефтепродукты. Целый ряд этих стран использует мазут для внутренних хозяйственных нужд – выработки электроэнергии, опреснения воды. Правительственные субсидии населению стимулируют рост внутреннего спроса на нефтепродукты. Если данные тенденции сохранятся, то, по оценкам аналитиков ВР, это создаст угрозу бесперебойным поставкам нефти с Ближнего Востока [14]. Чтобы ответить на эти вызовы, Саудовская Аравия уже сейчас инвестирует в строительство солнечных станций общей мощностью 40 000 МВт, а также в программу добычи газа. Объединенные Арабские Эмираты также диверсифицируют свои источники энергии: создан исследовательский центр по возобновляемым источникам энергии (Masdar Institute), строятся атомные и угольные электростанции.

Ситуация на мировом энергетическом рынке создает благоприятные перспективы для мегарегиона Сибирь с его новыми месторождениями нефти (Талаканское, Верхнечонское, Ванкорское, Уватское), что предполагает дальнейший рост экспорта, и доля АТР в нем к 2025 году, по прогнозам Минэнерго, может составить 40 %.

Газ. Драйвером спроса на газ также будут азиатские страны, но и со стороны стран-экспортеров также произойдут важные изменения. Рынок газа расширяется и глобализируется благодаря росту сети поставщиков СПГ, что естественно ведет к снижению роли региональных трубопроводов, потере ими монопольного положения. Предполагается, что США, Австралия, Канада вместе смогут обеспечить в три раза больший объем поставок СПГ, чем в 2015 году произ-

вел Катар – самый крупный сейчас поставщик СПГ в мире. Ожидается также появление новых игроков – Израиля, Мозамбика, Танзании и др. Все они нацелены на азиатские рынки, так же как и проекты мегарегиона Сибирь – газопровод «Сила Сибири», заводы СПГ на Сахалине и в Хабаровском крае. Для обеспечения жизнеспособности нового направления в транспортировке газа требуются крупные инвестиции в создание терминалов по регазификации и хранению СПГ, в строительство разветвленной сети трубопроводов, в производство СПГ-танкеров. Помимо технологических и производственных преобразований необходимы институциональные изменения на азиатских энергетических рынках: предоставление третьим лицам права доступа к трубопроводам и терминалам хранения СПГ, разграничение хозяйственных связей между компаниями, поставяющими газ, занимающимися его транспортировкой и доставкой до конечного потребителя и др.

С точки зрения развития газовой отрасли для мегарегиона Сибирь выбрано верное направление – «разворот на Восток», но геополитические выгоды пока не ясны. Внутренние проблемы, ведущие к замедлению реализации проектов в Сибири, а также рост конкуренции на внешних рынках поставок газа обуславливают многофакторную «игру переменных» при реализации Россией своих геополитических устремлений.

Уголь и экология. Если посмотреть на АТР как на единый регион, то уголь остается доминантным источником энергии: здесь аккумулируется более 80 % мирового потребления. В обоих мегарегионах – в Сибири и АТР – более 50 % электроэнергии вырабатывается на угле. По оценкам Международного энергетического агентства,

в период с 2014 по 2035 год в энергетические проекты в мире будет инвестировано 16,4 трлн долл. США, из них 9,5 трлн долл. США – в электроэнергетику. Перспективы генерации электроэнергии на угле, газе или возобновляемых источниках во многом зависят от диверсификации новых инвестиций в электроэнергетику. На данный момент планируется дополнительно построить в этих регионах значительное количество угольных электростанций (планируемое число проектов и совокупная их мощность приведены в табл. 4) [12].

Таблица 4

Доля угольной генерации в мегарегионе Сибирь и странах АТР (факт и план)

Страна	Доля выработки электроэнергии на угле, 2012 г. (%)	Кол-во планируемых к вводу мощностей, (МВт)	Кол-во новых проектов
Китай	68	557 938	363
Вьетнам	16	34 725	30
Индонезия	39	8360	17
Чили	25	6742	12
Австралия	83	5456	9
Филиппины	23	3915	15
Камбоджа	5	3570	5
Япония	23	3200	4
Малайзия	26	2600	3
Южная Корея	43	2000	2
Россия	15	48 000	Нет данных
Мегарегион Сибирь*	63	48 000**	Нет данных

Источник: World Resources Institute

* По мегарегиону Сибирь данные о планах строительства новых угольных электростанций представлены согласно Энергетической стратегии России до 2035 г.

** Согласно Энергетической стратегии России до 2035 г., строительство новых угольных электростанций предполагается только в мегарегионе Сибирь.

В контексте роста алармистских настроений относительно глобального изменения климата преобладание угля в производстве электроэнергии в мегарегионе Сибирь и во многих странах, входящих в АТР, представляется важным фактором геополитики, поскольку требует международных решений.

Ратификация в декабре 2015 года в Париже соглашения о глобальном изменении климата 195 странами, в том числе и Россией, демонстрирует консолидацию международного сообщества относительно необходимости удержания потепления на планете до конца века в пределах 2 °С. Это ставит страны перед необходимостью снижения выбросов CO₂, который во многом производится угольными электростанциями. Авторитетные международные форумы также уделяют особое внимание переходу к стратегии экономического развития с низкой эмиссией парниковых газов. Так, прошедшие в 2016 году саммит G20 в Китае и саммит стран БРИКС в Индии в качестве приоритетов стратегии выделяют внедрение возобновляемых источников энергии и разработку «чистых» видов топлива.

В российском экспертном сообществе пока не сформировалась однозначная оценка экономических и социальных последствий ратификации Россией нового климатического договора. В докладе Российского института проблем естественных монополий «Риски реализации Парижского климатического соглашения для экономики и национальной безопасности России» высказывается сомнение по поводу введения углеродных сборов в РФ, поскольку это отрицательно скажется на рентабельности таких отраслей, как ТЭК, металлургическая промышленность, производство азотных удобрений и цемента [1]. Более того, по оценкам международной

исследовательской организации «Глобальная сеть экологического следа» (GFN), Россия остается «глобальным экологическим донором», т. е. биоемкость ее экосистемы на 19 % превышает объем негативного «экологического следа», а основная его составляющая (68 %) – углеродный компонент [22]. Таким образом, Россия остается одним из крупнейших экологических «кредиторов» мировой экономики. Среди крупнейших «дебиторов» – многие страны АТР, такие как Китай, Япония, США и др.

Роль мегарегиона Сибирь в контексте глобального изменения климата противоречива. Сибирь является основным поставщиком углеводородов, более 50 % электроэнергии вырабатывается на старых малоэффективных угольных станциях, что создает негативный экологический имидж. При этом Россия имеет самые большие лесные массивы в мире (8092 тыс. км²), 90 % которых расположено в мегарегионе Сибирь, что обуславливает в процессе фотосинтеза значительную абсорбцию углекислого газа [13]. Возобновляемые водные ресурсы России составляют 10 % мирового речного стока (2-е место в мире после Бразилии), из которых более 90 % приходится на мегарегион Сибирь, что делает эту территорию перспективной в условиях вероятного «водного голода».

Неоднозначность российской политики в отношении глобального изменения климата и важность мегарегиона Сибирь как агента и реципиента изменений климата создают угрозы использования со стороны западных стран, главным образом США, экологической риторики в своих геополитических интересах. Результаты исследований, проведенных по заданию Пентагона, показали, что с глобальным потеплением произойдет резкое похолодание в запад-

ной части Европы и восточной части Северной Америки, а в континентальных европейских регионах климат будет сравним с текущим температурным режимом в Сибири [21]. Как подчеркивают авторы исследования, вероятные последствия изменения глобального климата следует принимать во внимание при реализации национальной стратегии США.

Пассивность России в вопросах глобального изменения климата может создать предпосылки для экономического давления со стороны международного сообщества и способствовать экспансионистским интенциям по отношению к мегарегиону Сибирь. Не имея сбалансированной и ресурсосберегающей политики управления мегарегионом, Россия может столкнуться с обвинениями в эскалации экологических катастроф глобального масштаба. В связи с этим выдвигаются «пробные» проекты международного управления природными ресурсами Сибири, якобы являющейся предметом всемирного достояния. Спорный тезис о неэффективности использования природных ресурсов отмечается в упомянутом выше докладе GFN – «экослед» россиянина (на одного человека приходится 4 га биоемкости) заметно превышает среднемировой (1,72 га на одного человека) [15].

Проблемы, вызываемые изменениями климата, трансформируют экономическую стратегию и геополитические конструкции влиятельных государств. Вводятся специальные фондовые индексы для котировок экологически ориентированных компаний (например, индекс The Fossil Free Indexes, разработанный крупнейшей в мире инвестиционной компанией Blackrock в 2015 году). Данный индекс наряду с Bloomberg World Index и Dow Jones Sustainability World рассматривается как ин-

струмент привлечения инвестиций в технологии снижения загрязнения окружающей среды. Создаются особые финансовые метрики для мониторинга транснациональных компаний, ответственных за проблемы изменения климата. Например, Sustainability Accounting Standards Board инкорпорирует в международные стандарты финансовой отчетности компаний информацию о долгосрочных инвестициях в проекты, способствующие решению проблем изменения климата. Всё это позволит в будущем разделять компании на «дружественные» и «агрессивные» по отношению к проблемам изменения климата. Данный инструмент демаркации позволит ввести в действие различные превентивные меры, например, политику санкций в отношении «агрессивных» компаний. Текущая политика изоляционизма российских компаний по вопросам экологии и глобального изменения климата повышает уязвимость положения мегарегиона Сибирь как в экономическом отношении на мировых рынках энергоресурсов, так и в сфере геополитики.

Наш основной вывод состоит в том, что у России и мегарегиона Сибирь есть неплохие перспективы сотрудничества в энергетике со странами АТР. Защита геополитических интересов России, сопряженных с новыми энергетическими проектами в Сибири, будет зависеть от масштаба инвестиций и наращивания их темпов. Фактор глобального изменения климата и экологии, на наш взгляд, существенно недооценен Россией как инструмент геополитики в энергетике. Сырьевая специализация мегарегиона Сибирь в контексте геополитики России в отношении стран АТР настоятельно требует учета последствий изменения климата и экологической динамики.

Литература

1. Аналитический доклад «Риски реализации Парижского климатического соглашения для экономики и национальной безопасности России» [Электронный ресурс] / Институт проблем естественных монополий. – М., 2016. – URL: http://www.ipem.ru/files/files/other/doklad_riski_realizacii_parizhskogo_klimaticheskogo_soglasheniya_dlya_ekonomiki_i_nacionalnoy_bezopasnosti_rossii.pdf (дата обращения: 15.11.2016).
2. *Власюк А.И.* Прогнозирование экономики макрорегиона: Дальний Восток / отв. ред. П.А. Минакир. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2012.
3. *Донских О.А.* Становление мегарегиона Сибирь: социокультурный и геополитический контекст // Идеи и идеалы. – 2016. – № 1 (27), т. 1. – С. 135–150.
4. *Зевин А.* Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 8. – С. 26–33.
5. *Катлан Р.* Месть географии: что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / пер. с англ. М. Котова. – М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2015.
6. *Лажинцев В.Н.* Север России: вопросы пространства и территориального развития / Коми НЦ УрО РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2015.
7. Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития / А.В. Усс, В.А. Иноземцев, Е.В. Ваганов, А.З. Швиденко, В.С. Ефимов, А.В. Лаптева, П.М. Вчерашний, Н.Г. Типенко, А.Г. Коржубаев, В.А. Крюков, В.И. Нефедкин, И.В. Семькина, А.В. Ефимов, Е.Б. Бухарова, А.Н. Токарев, В.В. Шмат, В.Е. Селиверстов, Н.В. Зубаревич, Н.Г. Шишацкий; Сибирский федеральный университет. – Красноярск: СФУ, 2013.
8. Сибирь: имидж мегарегиона / под ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: Тренды, 2012. – 364 с.

9. Судьба континента Сибирь: проблемы развития: экспертный дискурс / под ред. В.С. Ефимова; Сибирский федеральный университет. – Красноярск: СФУ, 2012.
10. *Сутрун В.И.* Сибирь как мегарегион: концепция и реальность // Идеи и Идеалы. – 2016. – № 1 (27), т. 1. – С. 124–134.
11. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред П.А. Минакира. – Хабаровск: ДВО РАН, 2010.
12. *Yang A., Cui Y.* Global coal risk assessment: data analysis and market research / World Resources Institute. – Washington, DC, 2012. – (WRI Working Paper).
13. Atlas of Russia's intact forest landscapes [Electronic resource] / D. Aksenov, D. Dobrynin, M. Dubinin, A. Egorov, A. Isaev, M. Karpachevskiy, L. Laestadius, P. Potapov, A. Purekhovskiy, S. Turubanova, A. Yaroshenko; World Resources Institute. – M., 2002. – URL: http://www.wri.org/sites/default/files/pdf/gfw_atlas_full.pdf (accessed: 15.11.2016).
14. BP Energy Outlook “Country and regional insights – Middle East” [Electronic resource]. – 2016. – URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/energy-outlook-2016/bp-energy-outlook-2016-regional-insights-middle-east.pdf> (accessed: 16.11.2016).
15. Ecological Footprint of the Russian Regions: WWF report / ed. by P.A. Boev; WWF-Russia. – Moscow, 2014.
16. *Florida R.* The rise of the mega-region // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2008. – Vol. 1, iss. 3. – P. 459–476.
17. *Henderson J., Stern J.* The potential impact on Asia gas markets of Russia's Eastern gas strategy. – Oxford: The Oxford Institute for Energy Studies, 2014.
18. OECD/IEA “Oil medium-term market report 2014. Market analysis and forecasts to 2019” [Electronic resource]. – 2014. – URL: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/MTOMR2014_free.pdf (accessed: 16.11.2016)
19. Key World Energy Trends. Excerpt from: World energy balances [Electronic resource] / OECD/IEA. – 2016. – URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/Key-WorldEnergyTrends.pdf> (accessed: 16.11.2016)
20. *Ohmae K.* The end of the nation state: the rise of regional economies. – New York: Free Press, 1995.
21. *Schwartz P., Randall D.* Imagining the unthinkable: an abrupt climate change scenario and its implications for United States national security [Electronic resource] // The Pentagon. – 2003. – URL: <http://eesc.columbia.edu/courses/v1003/readings/Pentagon.pdf> (accessed: 16.11.2016).
22. Living Planet Report 2014. Species and spaces, people and places [Electronic resource] / WWF. – 2014. – URL: http://ba04e385e36eed-47f9c-abbcd57a2a90674a4bcb7fab6c6198d0.r88.cf1.rackcdn.com/Living_Planet_Report_2014.pdf (accessed: 16.11.2016)

ENERGY CAPACITY OF MEGA-REGION SIBERIA AS THE FACTOR OF RUSSIAN GEOPOLITICS CONCERNING THE ASIAN-PACIFIC REGION COUNTRIES

N.V. Gorbacheva

Fund for socio-prognostics research
“Trends”,
Siberian Institute of Management
of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration,
Novosibirsk, Russia

Nata_lis@mail.ru

Concept of megaregion Siberia suggests the observation of this enormous territory from the Urals up to the Pacific Ocean as the genuine entity of its basic characteristics, i.e. space, history and culture. The offered approach allows us anew to build up the geopolitical strategy of Russia towards the countries of Asian-Pacific Region. Resource abundance of megaregion Siberia and its close proximity to emerging powers of Asian-Pacific Region create the premises for fruitful economic cooperation and bring benefits for geopolitical strategy of Russia. The realization of national interests chiefly depends on several factors such as quickness of intervention, market scale, dynamics of investments and ability to set up multi-sector coalitions. Energy sustainability allows Russia to use the dynamics of rapidly changing energy world. i.e. constrains of fossil fuel supply from the Middle East, globalization of gas supply, issues of climate change, etc. All these give an opportunity to provide security for our country, give an impulse to the Russian economy to catch up with the wave of growth, and preserve the unique nature of megaregion Siberia.

Keywords: Megaregion, Siberia, Asian-Pacific Region, Energy, Geopolitics, National Security, Climate Change, Ecology.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.2-105-118

References

1. *Analiticheskiy doklad "Riski realizatsii Parizhskogo klimaticheskogo soglaseniya dlya ekonomiki i nacional'noi bezopasnosti Rossii"* [Risks of realization of Paris climate agreement for Russian economy and national security]. The Institute of Natural Monopolies Research. (In Russian) Available at: http://www.ipem.ru/files/files/other/doklad_riski_realizatsii_parizhskogo_klimaticheskogo_soglaseniya_dlya_ekonomiki_i_nacionalnoy_bezopasnosti_rossii.pdf (accessed 15.11.2016)

2. Vlasyuk L.I. *Prognozirovanie ekonomiki makroregiona: Dal'nii Vostok* [Forecasting of the macroregion economy: the Far East]. Khabarovsk, ERI FEB RAS Publ., 2012.

3. Donskikh O.A. Stanovlenie megaregiona Sibir': sotsio-kul'turnyi i geopoliticheskii kontekst [Becoming of megaregion Siberia: socio-cultural and geopolitical aspects]. *Idei i idealy – Ideas and ideals*, 2016, no. 1 (27), vol. 1, pp. 135–150.

4. Zevin L. Megaregiony v globaliziruyushchemsya khozyaistve [Megaregions in Globalizing Economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2016, vol. 60, no. 8, pp. 26–33.

5. Kaplan R.D. *The revenge of geography: what the map tells us about coming conflicts and the battle against fate*. New York, Random House, 2012 (Russ. ed.: Kaplan R. *Mest' geografii: chto mogut rasskazat' geograficheskie karty o gryadushchikh konfliktakh i bitve protiv neizbezhnogo*. Translated from English by M. Kotov.

- Moscow, KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2015).
6. Lazhentsev V.N. *Sever Rossii: voprosy prostranstva i territorial'nogo razvitiya* [The North of Russia: problems of spatial and territorial development]. Institute of Social, Economic and Power Problems of the North. Syktyvkar, Komi Science Center, Ural Branch, RAS Publ., 2015.
 7. Uss A.V., Inozemtsev V.L., Vaganov E.V., Shvidenko A.Z., Efimov V.S., Lapteva A.V., Vcherashnii P.M., Tipenko N.G., Korzhubaev A.G., Kryukov V.A., Nefedkin V.I., Semykina I.V., Efimov A.V., Bukharova E.B., Tokarev A.N., Shmat V.V., Seliverstov V.E., Zubarevich N.V., Shishatskii N.G. *Mezoregion Sibir': problemy i perspektivy razvitiya* [Macroregion Siberia: problems and prospects]. Sibirskii federal'nyi universitet. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2013.
 8. Suprun V.I., ed. *Sibir': imidzh megaregiona* [Siberia: the Image of the megaregion]. Novosibirsk, Trendy Publ., 2012. 364 p.
 9. *Sud'ba kontinenta Sibir': problemy razvitiya: ekspertnyi diskurs* [The destiny of the continent Siberia: development problems: expert discourse]. Ed. by V.S. Efimov. Siberian Federal University. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2012.
 10. Suprun V.I. Sibir' kak megaregion: kontseptsiya i real'nost' [Siberia as the megaregion: concept and reality]. *Idei i idealy – Ideas and ideals*, 2016, no. 1 (27), vol. 1, pp. 124–134.
 11. Minakir P.A., ed. *Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: stsennoe prognozirovanie regional'nogo razvitiya* [The Pacific Russia – 2030: scenario forecasting for regional development]. Khabarovsk, FEB RAS Publ., 2010.
 12. Yang A., Cui Y. *Global coal risk assessment: data analysis and market research. WRI Working Paper*. World Resources Institute, Washington, DC, 2012.
 13. Aksenov D., Dobrynin D., Dubinin M., Egorov A., Isaev A., Karpachevskiy M., Laestadius L., Potapov P., Purekhovskiy A., Turubanova S., Yaroshenko A. *Atlas of Russia's intact forest landscapes*. World Resources Institute. Moscow, 2002. Available at: http://www.wri.org/sites/default/files/pdf/gfw_atlas_full.pdf (accessed 15.11.2016)
 14. *BP Energy Outlook “Country and regional insights – Middle East”*. 2016. Available at: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/energy-outlook-2016/bp-energy-outlook-2016-regional-insights-middle-east.pdf> (accessed 16.11.2016)
 15. Boev P.A., ed. *Ecological Footprint of the Russian Regions*: WWF report. WWF-Russia. Moscow, 2014.
 16. Florida R. The rise of the mega-region. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2008, vol. 1, iss. 3, pp. 459–476.
 17. Henderson J., Stern J. *The potential impact on Asia gas markets of Russia's Eastern gas strategy*. Oxford, The Oxford Institute for Energy Studies, 2014.
 18. *OECD/IEA “Oil medium-term market report 2014. Market analysis and forecasts to 2019”*. 2014. Available at: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/MTOMR2014_free.pdf (accessed 16.11.2016)
 19. *Key World Energy Trends. Excerpt from: World energy balances*. OECD/IEA. 2016. Available at: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorldEnergyTrends.pdf> (accessed 16.11.2016)
 20. Ohmae K. *The end of the nation state: the rise of regional economies*. New York, Free Press, 1995.
 21. Schwartz P., Randall D. Imagining the unthinkable: an abrupt climate change scenario and its implications for United States national security. *The Pentagon*. 2003. Available at: <http://esc.columbia.edu/courses/v1003/readings/Pentagon.pdf> (accessed 16.11.2016)
 22. *Living Planet Report 2014. Species and spaces, people and places*. Available at: http://ba04e385e36eed-47f9c-abbcd57a2a90674a4bcb7fab6c6198d0.r88.cf1.rackcdn.com/Living_Planet_Report_2014.pdf (accessed 16.11.2016)